

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

И СУДИТ МИР ПРОЩАЮЩИЙ ХРИСТОС...

* * *

Дрожит росой небесный белый крин,
Где с милосердьем слита чистота,
Когда монашка с лилией кувшин
Несёт к ногам тишайшего Христа.

И каждый раз — как молния, как стон:
— О, Кто распят был и зачем распят? —
И лилией белеет Твой хитон
В алтарной мгле вселенных и лампад.

Христос мой тихий! Лилия Небес!
По Галилее среди рощ и скал
Ты шёл земной судьбе наперерез
И лилии тяжёлые срывал.

Так мы, беспечно споря о своём, —
Смешная озорная детвора! —
Ромашки и гвоздики вольно рвём
В изрытых поймах старого Днепра.

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске, закончила Смоленский педагогический институт. Работала в библиотеке, в издательстве и газетах. Автор книг “Золотые шары”, “Птицы в городе” и подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы — и ждём
Ответа напряжённой вышины.

Над храмом разорённым — облака,
И город — в новостройках и в пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.

И навсегда душа потрясена
Незнамо чем — невнятным сном? лучом? —
И дышит напряжённо глубина,
Где всё на свете знает обо всём.

И снятся нам цветы в накрапах рос —
В них с милосердьем слит поющий прах.
И судит мир прощающий Христос —
И лилия сияет на устах*.

РУССКИЙ ДУБ

1

У Мамврийского дуба в поющем дупле
Блещут царства, и звёзды текут по стволам.
Тыщи лет он стоял на иссохшей земле
Там, где Бога однажды узрел Авраам.

Вспыхнул огненный Свет, порождающий свет,
Заструилось течение любви и тепла.
И хватило на долгие тысячи лет
Жизни той, что от ангелов трёх изошла.

Вырван вечною силой из тока времён —
Ни старенья, ни смерти ему не узнать.
Льётся Небо по листьям играющих крон,
И течёт по корявым корням благодать.

Крестоносец кичливый давал здесь обет,
Чтил законы раввин, голосил муэдзин.
Византии засохла священная ветвь.
Пал разрушенный Иерусалим.

Но в молитвах, звучавших под кроной сквозной,
Не услышал он жаркой прохлады лучей:
— Пусто, Господи, дубу в глуши мировой
Пить безвкусный настой иссушающих дней!

Вот тогда, жаждой Бога великой томим,
Среди жара пустынь не ища своего,
Из России безвестный пришёл пилигрим,
И три ангела пели в молитве его.

* В мировой символике лилия, исходящая из уст Христа во время Страшного суда, является символом милосердия.

Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над крестами — бездонных небес снеговой,
Под санями — сугробов таинственный хруст —
Потрясла исполина от крон до корней.

Как летит куполами над реками скит!
Что за пламя молитвы вдали ото всех!
Как Господь над лесами лучами блеснит!
Как поёт благодатью божественный снег!

И за сродство молитвы с единственной — той —
Стал он Русским среди палестинских равнин,
И пригрел монастырь под своею листвою,
И тянулся к России за Богом своим.

Ибо видевший Бога и чующий Дух
Будет Духа искать, не польстившись на прах.
И Россия легла под ветвями его —
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

2

Но века пронеслись, как сметающий вал.
Новый русский явился из шума молвы.
Ветви дуба сломал и кору ободрал,
И продал на крикливых толкучках Москвы.

И настолько он был бездуховен и груб,
Так проникся идеями лжи мировой,
Что засох потрясённый безверием дуб
И ветвями скрипел в пожирающей зной:

— Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над тайгой и снегами — Христа тишина!
Дай же я за тебя посильней помолюсь
В нарастающей бездне последнего сна!

И в видении, чьё толкованье мудрё,
Вдруг увидел мальчишку. Москвы воробей,
Тот просил подаюнья в снегу у метро
И молился в слезах о России своей.

И летел в его шапку сияющий снег.
И о Боге Миров он не знал ничего.
Гнал и гнал беззащитного русского век,
Но три ангела пели в молитве его!

Те же ангелы пели — сквозь грохот и грязь,
Так же пели — в нахлынувшей мерзости лет.
И ожил, долгожданному чуду дивясь,
Русский дуб — и росток появился на свет.

Херувимы поют в его шумных ветвях.
Стаи ангелов гнёзда в листве его вьют.
Нерушимо Престолы таятся в корнях.
Светоносные Силы по жилам текут.

И среди запустенья — Любви торжество,
Ради вечного Духа отвергшая прах, —
Вновь Россия лежит под ветвями его
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

Русский мир! Снизошла на тебя благодать —
Суховей ли шумит или падает снег, —
Ибо каждый, кто Бога стремится узнать,
Будет жив и уже не погибнет вовек.

* * *

И опять упаду я в кислицу и мхи,
И вдохну этот запах, понятный до слёз,
Будто плакал ребёнок, слагая стихи,
Да слова потрясённые ветер унёс.

И пойду я туда, где мурашек следы,
Где погладит черёмуха по голове,
И дурманом фиалки пахнёт от воды,
И пронзительно ландыш запахнет в траве.

Этой речью без слов в трепетанье лучей,
И с Творцом, и с творением соединены,
Пахнут Богу леса на исходе ночей,
Пахнут Богу цветы на исходе весны.

И открыты миры этим духам лесов,
Этой речи без слов, этой вечной любви.
О, как множится в чаще число голосов!
Как свободны в таинственной жизни они!

Брать легко им лучи и легко отдавать
Этот хвоей и прелью дрожащий эфир.
И зачем познавать им и что познавать,
Если в льющемся духе содержится мир?

Если в сторону облака тянутся сны
В переводе со света на запах и цвет,
И всё гуще над бором покров тишины,
Ибо тайн у Творца от творения нет.

ПОХВАЛА АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ

На свет он явился под утро, как Божие диво.
И храбрый, и кроткий, и мудрый душой отродясь.
И лик не опишешь — уж больно собою красивый! —
Каким с колыбели и должен быть воин и князь.

Но я воспою не в хоругвях летящих Победу,
Не меч беспощадный, не плавающий доблестью взгляд,
Не то, как он шёл за тевтонцем и шведом по следу,
Не плащ его алый, как в льдинах Чудского закат, —

Нет, я воспою, что на княжьем столе над Россией
Он церкви украсил смарагдами и кумачом,
Что твёрдой душою он правду поставил над силой,
И кротость — над гневом, и милость — над острым мечом.

И был он смиренным — со свечкой таких не отыщешь
На древних просторах, где рыщет разруха, ярьсь.
Любил он крестьян. Раздавал свои житницы нищим.
И хлебушек сеял — как истинный воин и князь.

А дальше явилось крапивное подлое семя
Князей и князьков, растащивших на части страну.
И каждый приبلуда возносит себя надо всеми
И в жирное брюхо швыряет миры, как в мошну.

А если с экранов признаться обманутым тыщам,
Что вы поблудили и кровушки попили власть?
А если раздать всё, что вы понаграбили, нищим?
А если достойным отдать, как положено, власть?

Но если не можете правду поставить над силой —
Смотрите: из ночи гнилых иноземных свобод
Огромное солнце встаёт над замерзшей Россией,
И в рать на Чудском собирается нищий народ.

И огненный плащ развевая над пеплом пожарищ,
Летит над страной и коня поднимает, ярься,
И меч вынимает святой Александр Ярославич
На правое дело — как истинный воин и князь.

* * *

*Бессловесная наша словесность
Не такие забыла стихи!*
Светлана Кузнецова

*Этот русский анапест,
что плачет во имя любви...*
Татьяна Глушкова

Опять взойдут, сметая тьму обмана,
Готовя мысли резкий поворот,
Две музыки — Светлана и Татьяна —
Среди навек закрывшихся широт.

Ещё мы пьём, поём и лиц не хмурим,
Как в детстве, беззаботны и легки.
И всё вокруг — затишье перед бурей.
И всё вокруг — звенящие стихи.

Ещё светлей сибирских льдов окраины
Глаза Светланы с правдой о другом.
Ещё черны, как чернозём Украины,
Глаза Татьяны под высоким лбом.

И в их союзе обоюдоостром
Есть что-то свыше — как ни назови.
Две русских музы — в отчем слове сестры —
Два света, две печали, две любви.

Но нет в холодном воздухе спасенья
От тьмы рвачей и ханжества невежд,
И слышен голос близкого крушенья
В трагедиях поломанных надежд.

Они уже так скоро станут солью
Земной России, обращённой в прах,
И без торгов заплатят смертной болью
За родину в руинах и слезах.

Но и тогда, сметая мрак обмана,
Споют святые строки на крови
Две музыки — Татьяна и Светлана, —
Два русских сна о вере и любви.

ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ

...Река сомкнула медленные воды
Над островом с забытой деревушкой,
Над лиственем, над кладбищем, над жизнью
Простых людей, не нужных никому.

Ты помнишь, как мы плакали, читая
Скупую повесть нового потопа,
И ни секунды не подозревали,
Что повторится вечный сон Земли?

...Опять сомкнулись медленные воды,
И, как когда-то тихая Матёра,
Ушла под воду целая эпоха.
А в рукотворных времени морях
Мелькают до сих пор, светя в глубинах,
То Китеж-град, то новая Матёра — Эссэсэсэр,
И Богородице-на-водах —
Заступнице — Россию сторожить*.

И знаем мы: нерукотворно время,
Но рукотворны дамбы и плотины,
Что перекрыли медленное русло
Природного течения времён.

Так обернулась малая Матёра
Пророчеством скупым о нашей жизни,
О всех, за миг оставшихся без крова,
Без родины, без детства, без корней.

Прощай, Матёра, Бог тебя храни!

Давно сомкнулись медленные воды
Над Родиной, над правдой, над Победой,
И только тихий Валентин Распутин
Горит свечой на дальнем берегу.

И помним мы: когда входил Распутин,
Досужие смолкали разговоры,
И раскрывалось медленное сердце,
Ведь что-то было в нём всегда такое,
Чего не передать бессильным словом,
Но передать стоустой тишиной.

Прощай же, удивительное чудо!
Рассказ о том, как жить, чтобы остаться
Среди светил — во времени огромном,
Среди святых — на дальнем берегу.

* Леушинская икона Божьей Матери имеет несколько названий — “Аз есмь с вами и никтоже на вы”, “Защитница России”, “Богородица-на-водах”. Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь, в котором был написан образ, затоплен Рыбинским водохранилищем.

* * *

В коричневых платяцах выше колена
Застыли у школы в сиренях и сини
Морозкина Оля, Крещенская Лена,
Садковская Лена и я вместе с ними.

— Что будет? — спросила Крещенская Лена.
— Всё будет! — Морозкина Оля сказала.
А мне показалась судьба сокровенной,
И я, засмутившись, в ответ промолчала.

Провинции полдни в проулках таились,
Бросая нам звёзды и взгляды косые.
А впрочем, не слишком ли мы опустились,
Провинцией называя Россию?

И мы, как могли, полюбили округу,
Сложили окрестность, и землю, и воду,
В заботах насущных промчались по кругу,
Повсюду ища бытие и свободу.

Любовью побило, бедою побило,
Судьбой по другим городам разбросало.
Да сколько всего ещё разного было!
А я подглядела и вскользь записала.

Цвели нам сирени, маячили грозы,
Рабочие дни завершала усталость.
Душили проблемы, туманили слёзы,
Но много любилось и много прощалось.

А трудно ли было всё это осилить?
На этот вопрос мы ответим едва ли.
Но жизнь мы прошли и сложили Россию,
Какую мы знали и понимали.

Простую Россию — с недолей и долей,
Охажкой сирени, крестом небосвода,
Со всем, чему вряд ли научишься в школе,
Но это и есть бытие и свобода.

ЕГОРИЙ ХОРОБРЫЙ

Пусто, Господи, поле, и солнце мертво.
Заблудился в безбрежном бурьяне закат.
Лишь Егорий Хоробрый коня своего
Погоняет вдоль в землю врастающих хат.

Сельсовет, как корабль, потонул средь травы.
В средней школе навеки закончен урок.
Пусты, Господи, реки, и пашни мертвы.
Все давно опочили, отживши свой срок.

Вот оно — поражение великой земли.
Той землицы, что мы не сумели сберечь.
Пали, Господи, воины, кресты заросли.
О какой же победе заводим мы речь?

Лишь черёмухи вымокшей брызжет покров,
Да на губы летит одуванчиков пух,
И Егорий Хоробрый пасёт соловьёв,
Соловьиного войска небесный пастух!

Там, где тризна-жнея завершила свой труд,
Где осот и крапива взошли на крови,
Там выходят поэты и песни поют
О священной Победе и вечной Любви.

Ведь известно давно — кто посеет печаль,
Тот великою жатвою песни пожнёт.
Что за птицы мы все, коль себя нам не жаль,
Если отчая тризна нам — песенный мёд!

Разве падальщик ты, разве плакальщик ты,
Что поёшь о любви на пиру воронья?
Но огнём самогоночка в кружке дрожит,
И о павших гармошечка плачет твоя.

Ведь вмещает в себя нашей песни печаль
Всю кручину и кровь, все века и поля...
И клокочет, как колокол, древняя даль
В сердце мокрых черёмух, в груди соловья.

Подседай же, Егорий, в редующий круг,
Подпевай, как враги наши хаты сожгли,
И скажи неутешную правду, сам-друг,
Где хранится Победа великой земли?

За лесами? За звёздами горних миров?
У Творца-Саваофа в мозольной горсти?
Или, можа, у глотках святых соловьёв,
Что ты вышел в черемушных тучах пасти?

Мы пропели на весь межпланетный эфир
Про войну-да-разруху, а снова поём!
Если в Слове творящем запахан весь мир,
Значит, наша Победа посеяна в нём.

Но гниют разорённые сёлы без слов,
И без слов потрясённое сердце болит.
Да и ты, расплескав самогоночку вдов,
С партизанкой столетнею плачешь навзрыд.